

**ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В АГРЕССИВНОМ РЕЧЕСИТУАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
(по материалам экспериментального исследования)**

A. G. Fomin

**GENDER DIFFERENCES IN AGGRESSIVE SPEECH BEHAVIOUR OF RUSSIAN
AND AMERICAN NATIVE SPEAKERS (as revealed in an experimental study)**

A. G. Fomin

Статья посвящена рассмотрению агрессии как определенной поведенческой реакции на фактор-стимул внешней среды, которая проявляется и в речевом поведении. Гендерные характеристики коммуникантов, являясь потенциальными катализаторами вербальной агрессии, обуславливают выбор определенных вербальных средств выражения агрессии, что подтверждает результаты экспериментального исследования с использованием методики стимульного текста.

Ключевые слова: *агрессия, речевое поведение, гендерные характеристики, вербальные средства.*

The article is devoted to studying aggression as a definite behavior reaction (including speech behavior) to the incentive of social environment. Communicants' gender characteristics being potential verbal aggression catalyst specify the choice of aggressive linguistic means, as proved by the results of the experimental study using scenario method.

Keywords: *aggression, speech behavior, gender characteristics, linguistic means.*

В современной научной парадигме агрессия определяется как форма поведения человека. Самое общее определение, принятое в психологии, описывает агрессию как «любую форму поведения, которая направлена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб» [1, с. 24]. В этом определении сформулирован мотив агрессивного поведения: нанесение ущерба или вреда. Именно наличие данного мотива у действия позволяет разграничить агрессию и внешне агрессивные действия, которые, по сути своей, не являются таковыми: проявление настойчивости и напористости человека без намерения причинить вред или боль, болезненные медицинские операции и процедуры, необходимые для исцеления человека и пр.

Данное определение агрессии как поведения подразумевает наличие *субъекта*, действующего с определенным мотивом, и *объекта* агрессивных действий. В современной социологии принято определение агрессии как «любой формы поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [2, с. 26].

Согласно фрустрационной теории Дж. Долларда, агрессия появляется вследствие фрустраций – преград, возникающих на пути человека. Дж. Доллард и его соавторы утверждали, что агрессивное поведение всегда предполагает наличие некоторых фрустраций как его первопричины и, в свою очередь, возникновение и существование фрустраций непременно приведет к агрессивной реакции на них [13, с. 8]. Под фрустрацией в данной теории понимается «блокирование происходящих в данное время целенаправленных реакций» [2, с. 126], т. е. возникновение препятствий на пути человека к достижению цели. Таким образом, речь идет об агрессии как определенной поведенческой реакции на фактор-стимул внешней среды, и предполагается, что агрессия является единственно возможным типом поведения в стимульной ситуации, не-

зависимо от того, была ли эта фрустрация, в свою очередь, обусловлена враждебными намерениями или нет.

Категоричность этого утверждения была подвергнута резкой критике ученых, однако сама теория агрессивного поведения Долларда получила большое распространение и легла в основу многих других психологических исследований агрессии с определенными изменениями. В частности, в теории социального научения А. Бандуры [9] агрессия рассматривается как форма социального поведения, которое усваивается посредством наблюдения, как и многие другие формы социального поведения. В этом ключе агрессия рассматривается полностью с позиций социальных установок, без учета биологического компонента. Суммируя результаты своих исследований, Бандура приходит к выводу о том, что агрессия является усваиваемой формой социального поведения и возникает только в тех случаях, когда модель агрессивного поведения принята в социуме и доступна для наблюдения. Дополняя выводами этой теории теорию фрустрации-агрессии, можно предположить, что агрессия является социально-обусловленной усваиваемой формой поведенческой реакции в определенных ситуациях. Опыт наблюдения за поведенческой реакцией окружающих на некоторую фрустрацию как стимульную ситуацию зачастую определяет дальнейшую стратегию поведения индивида в аналогичных ситуациях. Поведенческая реакция индивида проявляется и в его речи.

Речевое поведение носителя языка определяется рядом субъективных и объективных факторов, которые определяют отношение субъекта речевой деятельности к действительности [6, с. 18]. Среди характеристик субъекта общения лингвистического характера, определяющих его речевую деятельность и коммуникативное поведение, можно выделить социальные (пол, возраст, образование, социальный статус, культура) и психологические (темперамент и чер-

ты характера). Коммуникативная ситуация предполагает наличие и объекта общения. Проявление агрессии в поведении одного из участников коммуникации свидетельствует о наличии фрустрации, препятствующей успешному общению. В качестве таких фрустраций могут рассматриваться ситуационные факторы, к которым относятся свойства (характеристики) личности собеседников, их поведение наряду с социальными ролями участников общения, степенью их знакомства и самой обстановкой речевого общения [8]. Вербальное агрессивное поведение может служить катализатором для ответной физической агрессии в том случае, если объект вербальной агрессии изначально настроен враждебно в силу личностных, социально обусловленных, либо ситуационных факторов [18]. Значимостью личности собеседника как ситуационного фактора, провоцирующего агрессию, подтверждается также эмпирически.

Все эти факторы составляют экстралингвистический контекст коммуникации и обуславливают необходимость выбора определенных вербальных средств выражения (либо сознательного отказа от общения) как формы деятельности. Объектом нашего исследования являются гендерные характеристики субъекта и объекта общения как потенциальные катализаторы вербальной агрессии.

Обратимся к результатам многочисленных исследований письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, то есть целей высказывания, стратегий и тактик речевого поведения. В данных исследованиях, проводимых в русле лингвогендеристики, изучались не только различия в вербальном поведении лиц разного пола, но и особенности лиц одного и того же пола (множественность пола). Имеются пока немногочисленные исследования гендерной доминантности в общении, проявления вербальной агрессии в речеситуативном поведении, использования стратегий и тактик в ситуациях конфликта: изучается характер представления слова, различные возможности довести высказывание до конца, частота перебивания говорящими друг друга и т. д. Перечисленные проблемы в разной степени изучались и изучаются отечественной психолингвистикой.

В некоторых исследованиях [5; 7] нашел подтверждение тот факт, что ассоциативное и речеситуативное поведение личности определяется не биологическим полом, а гендерной принадлежностью, поэтому биологический пол – не точный критерий. Однако психологи отмечают, что довольно часто при усвоении социальных норм поведения представители разного пола получают информацию, в соответствии с которой то, что «прилично» женщине, является «неприличным» для мужчин и наоборот [4, с. 160 – 161].

Половая принадлежность индивида маркирует особенности его ситуативного и коммуникативного поведения. Многие исследователи приводят различные примеры влияния пола и гендера на общение в различных группах. Эти процессы, включая вербальное и невербальное поведение, наблюдались в однородных и разнородных гендерных группах. В целом мужчины считаются более сориентированными на цель, чем женщины [12; 19; 20; 27]. Они более склонны выражать эмоциональные реакции в общении та-

кими средствами, как приподнять резко подбородок или смотреть в глаза женщины при разговоре [11; 14]. Для женщин же характерно социально окрашенное поведение, им важнее общественный характер, они больше улыбаются, меньше реагируют на выпады и реплики, такие, как прямой взгляд или изменение мимики, смена позы [11].

Проанализировав выражение эмоций в речи, Таннен пришла к выводу, что существует очень много вариантов эмоциональной реакции на получение сочувствия, например: человек может чувствовать себя удобно либо быть раздраженным на внимание к себе. Например, при разговоре о проблемах женщины выражают сочувствие и ожидают сочувствия в ответ. Когда мужчины в ответ на проблему женщины дают совет, женщины склонны думать, что их чувства не поняты, их проблемы недооценены либо, что их партнер просто делает одолжение своим советом как покончить с проблемой. Наоборот, когда женщины проявляют сочувствие мужчине, то он склонен себя ощущать униженным в статусе и тем, кому делают одолжение [23].

Таким образом, говоря о различиях в эмоциональности между мужчинами и женщинами, представляется целесообразным их рассмотрение на нескольких уровнях. На одном уровне рассматривается способность понимать эмоциональные состояния других (эмпатия) и умение выразить это понимание (эмпатическая экспрессия). На другом – исследуется переживание самим человеком своих эмоций (эмоциональные переживания) и способы выражения этих эмоций (эмоциональная экспрессия).

Как показывают результаты исследований, мужчины не хуже женщин способны определять чувства других и внутренне сопереживать им, но они заинтересованы в том, чтобы окружающие никак не заметили этого по их поведению. Мужчины не желают, чтобы окружающие видели их эмпатичными, так как это не соответствует их гендерной роли. Мужчины часто оказываются в ситуациях, требующих от них проявления силы, независимости, властности, стремления к соревнованию – качеств, которые не сочетаются с эмпатийной отзывчивостью. Что касается переживания и выражения собственных эмоций, то, по данным исследований, мужчины и женщины обладают равной эмоциональностью, но выражают свои эмоции с *разной степенью интенсивности*. Эмоциональная жесткость считается одной из важнейших описательных характеристик «настоящего мужчины». Женщины больше выражают чувства, направленные на окружающих (проявление интереса к чувствам других, их потребностям, желаниям). Мужчины же, наоборот, проявляют больше эгоцентрических чувств (потребностей, желаний, собственных интересов). Женщинам более удобно выражать чувства страха и грусти, и вместе с тем люди не видят межполовых различий в способности испытывать эти чувства [16; 22].

В многочисленных исследованиях речевого поведения мужчины и женщины часто описываются как имеющие совершенно разные коммуникационные стили. Результаты данных исследований позволили зарубежным ученым сделать следующие выводы. Женщины более склонны не к конфликтной, а к гармонической коммуникации, во время которой, по их

мнению, следует оказывать и получать поддержку и одобрение, достигая согласия; мужчины же более склонны к конфликтной коммуникации. Речевое поведение «мужчина – женщина» более агрессивно, чем речевое поведение «женщина – женщина». Женщины предпочитают гармоничную коммуникацию, цель которой акцентировать общность позиций, проявить солидарность и оказывать поддержку. Конфликтные эмоции релевантны в основном для самообороны и поддержки товарища, но не для утверждения собственного имиджа. Мужчины значительно чаще, чем женщины, стремятся перевести конфликт с деловой на межличностную почву, выражая при этом спектр эмоций по шкале «хороший – плохой». Женщины в конфликтной коммуникации предпочитают диспут, в ходе которого идет поиск истины, или конфликтные переговоры, в ходе которых намечается план действий. Они, как правило, вербализуют эмоции в соответствии со шкалой «правда – ложь» или «правильный – ошибочный». В ходе диспута женщины предпочитают категоричное опровержение оппонента, а мужчины – более мягкое, частичное. В ходе конфликтных переговоров женщины чаще прибегают к наступательной тактике, а мужчины – к оборонительной. Речевое поведение женщин более прямолинейно, однозначно и открыто, как и положено в конструктивном диалоге равных по статусу. Видимая мягкость и благосклонность мужчин являются лишь проявлением покровительства «сильного» по отношению к «слабому» и подчеркивают статусное неравенство. В конфликтной коммуникации женщины практикуют, с одной стороны, более прямолинейный, жесткий, а с другой стороны, более деловой, продуктивный подход, способствующий успешному разрешению споров. Мужчины, персонифицируя политические разногласия, идут по пути эскалации конфликта, разжигания личной вражды, что уводит в сторону от решения проблем [17; 21; 24; 25; 26].

Склонность мужчин к проявлению агрессии можно объяснить тем фактом, что, в соответствии с концептуальными общественными нормами, агрессивное поведение мужчин кажется более адекватным [15]. Однако, в силу того, что физическая агрессия для женщин тем более недопустима, они чаще проявляют свою агрессивность именно в вербальной форме, следовательно, фактор пола должен быть учтен при анализе вербальной агрессии как явления. Наряду с этим исследователи отмечают, что женщины более сдержанны по сравнению с мужчинами, но в то же время более склонны к проявлению скрытой, косвенной агрессии [4].

Половозрастные особенности определяют проявление вербальной агрессии в коммуникативном поведении человека на протяжении всей его жизни, при этом особенность проявления агрессии у мужчин и женщин заключается не в количественном, а в качественном аспекте агрессивного поведения [10]. Однако ситуация в современном мире кардинально изменилась, в обществе происходит перераспределение гендерных ролей. Это заставляет задуматься и исследовать современные стереотипы агрессивного поведения мужчин и женщин, а также реальную си-

туацию. Изучение гендерной специфики агрессии также может рассматриваться в тесной взаимосвязи с актуальной сегодня проблемой домашнего насилия.

В виду того, что существующие в обществе стереотипы предписывают мужчинам и женщинам разные модели поведения, а также, поскольку отношение к проявлению агрессии мужчинами и женщинами также различно, в рамках данного исследования респонденты были разделены по признаку биологического пола. Раздельный анализ реакций мужчин и женщин позволяет выявить гендерные различия без определения гендерного типа личности с учетом того, что данные ситуации показывают проявление гендера как социального пола.

Участниками эксперимента, проведенного в 2009 г., являются российские и американские студенты. При отборе респондентов учитывались следующие критерии: все американцы являются носителями американского варианта английского языка, все российские респонденты – носителями русского языка. Все испытуемые являются студентами гуманитарных факультетов очной формы обучения. Всего в исследовании приняли участие 106 россиян (35 мужчин и 71 женщина) и 117 американцев (14 мужчин и 103 женщины).

В качестве одного из методов экспериментального исследования гендерных особенностей проявления агрессии нами была использована **методика незаконченного текста**. Методика незаконченного текста или незаконченных предложений получила широкое распространение в психологических и социологических исследованиях, однако она также эффективно может применяться в лингвистике.

В рамках данного исследования респондентам был предложен следующий текст:

Пожалуйста, окончите следующий текст в 25 – 40 словах:

Это был один из самых странных дней в моей жизни. Я знал этого человека много лет, но мое отношение к нему/к ней полностью изменилось в тот день, когда он(а)...

Please continue the following scenario with 25 – 40 words:

It was one of the strangest days of my life. I had known that person for ages but my attitude to him/her changed completely on that day as he/she..

Текст был смоделирован таким образом, чтобы у респондентов была возможность указать, в первую очередь, изменилось ли их отношение к другому человеку в положительную или отрицательную сторону. Однако анализ полученных ответов показал, что иногда респонденты затруднялись с оценкой этого изменения из-за крайней степени удивления.

Наряду с определением того, какой опыт (положительный или отрицательный) более ценен для респондентов (и, как следствие, вспоминается в первую очередь), данный вид исследования позволил также **определить важность личности собеседника в ситуации агрессии, в частности, его половой принадлежности**.

Таблица 1

Результаты исследования вербальной агрессии респондентов мужского пола с использованием методики стимульного текста

	Ответы россиян (n=35)				Ответы американцев (n=14)			
	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>
По отношению к мужчине	2	14	3	-	-	8	-	-
По отношению к женщине	-	3	3	-	-	2	-	-
Пол не указан	-	1	-	1	-	3	1	-
ВСЕГО	2	18	6	1	-	13	1	-
Отказ от реакции	7				0			

Таблица 2

Результаты исследования вербальной агрессии респондентов женского пола с использованием методики стимульного текста

	Ответы россиянок (n=71)				Ответы американок (n=103)			
	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>
По отношению к мужчине	3	14	13	-	1	13	8	-
По отношению к женщине	-	22	2	1	2	46	1	-
Пол не указан	1	1	-	1	-	23	2	-
ВСЕГО	4	37	15	2	3	82	11	-
Отказ от реакции	13				7			

Из результатов эксперимента (таблицы 1, 2) следует, **отрицательные воспоминания респондентов чаще всего связаны с человеком того же пола**. Как у российских, так и у американских респондентов отрицательные воспоминания чаще всего связаны с мужчинами – у мужчин, с женщинами – у женщин. Этот факт нашел свое подтверждение в исследовании Н. В. Вязигиной. Анализируя особенности проявления вербальной агрессии у мужчин и женщин на материале судебных лингвистических экспертиз, автор приходит к выводу, что ситуации, в которых участники конфликта – лица одного пола, встречаются примерно в полтора раз чаще, чем ситуации, в которых участники конфликта – лица разного пола [Вязигина, 2010].

Анализ ответов респондентов женского пола также позволил определить, что чаще всего они затрудняются с определением оценки радикальных изменений в поведении представителей мужского пола.

Литература

1. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль [Текст] / Л. Берковиц. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 512 с.
2. Бэрн, Р. Агрессия [Текст] / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
3. Вязигина, Н. В. Особенности проявления вербальной агрессии у мужчин и женщин (на материале судебных лингвистических экспертиз по ст. 130 УК РФ «Оскорбление») [Электронный ресурс] / Н. В. Вязигина. – Режим доступа: <http://konference.->

siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/vjazigina_n_v_quot_osobennosti_projavlenija_verbalnoj_agressii_u_muzhchin_i_zhenshhi_n_quot/2-1-0-26.

4. Ильин, Е. П. Пол и гендер [Текст] / И. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.

5. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

6. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: КомКнига/URSS, 2007. – 312 с.

7. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности [Текст] / А. Г. Фомин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 236 с.

8. Эрвин-Трипп, С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия [Текст] / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975.

9. Bandura, A. Social Learning Theory of Aggression [Text] / A. Bandura // Journal of communication. – № 28.

10. Björkqvist, K. Sex Differences in Covert Aggression Among Adults [Text] / K. Björkqvist, K. Österman, K. Lagerspetz // Aggressive Behaviour. – 1994. – 20 (194).

11. Carli, L. L. Gender, language and influence [Text] / L. L. Carli // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 59.

12. Craig, J. M. The effectiveness of men and women in problem-solving groups as a function of group gender composition [Text] / J. M. Craig and C. W. Sherif // Sex Roles. – 1986. – Vol. 14.

13. Dollard, J. Frustration and Aggression [Text] / J. Dollard, L. W. Doob, N. E. Miller, O. E. Maurer, R. R. Sears. – New Haven: Yale University Press, 1939.

14. Dovidio, J. F. The relationship of social power to visual displays of dominance between men and women [Text] / J. F. Dovidio, S. L. Ellyson, C. F. Keating, K. Heltman and C. E. Brown // Journal of personality and social psychology. – 1988. – Vol. 54.

15. Eagly, A. H. Gender and aggressive behaviour: A metaanalytic review of the social psychological litera-

ture [Text] / A. H. Eagley, V. J. Steffen // Psychological Bulletin. – № 100. – 1986.

16. Eisenberg et al. Sympathy and personal distress: Development gender differences, and interrelations of indexes [Text] / N. Eisenberg (Ed.) // Empathy and Related Emotional Responses: New Direction for Child. – Development, 1989. – Vol. 44.

17. Gray, J. Men are from Mars, women are from Venus: A practical guide for improving communication and getting what you want in your relationships [Text] / J. Gray. – New York: HarperCollins, 1993.

18. Infante, D. A. Test of an argumentative skill deficiency model of interspouse violence [Text] / D. A. Infante, T. A. Chandler, J. E. Rudd // Communication monographs. – № 56. – 1989.

19. Mabry, E. The effects of gender composition and task structure on small group interaction [Text] / E. Mabry // Small group behavior. – 1985. – Vol. 16.

20. Piliavin, J. A. The effects of the sex composition of groups on style of social interaction [Text] / J. A. Piliavin and R. R. Martin // Sex Roles. – 1978. – Vol. 4.

21. Samel, I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft [Text] / I. Samel. – Berlin, 1995.

22. Saurer, M. K. The Role of masculine gender role stress in expressivity and social support network factors [Text] / M. K. Saurer and R. M. Eisler // Sex roles. – 1990. – Vol. 23.

23. Tannen, D. You just don't understand [Text] / D. Tannen. – New York: Ballantine, 1990. – 176 p.

24. Tannen, D. Talking from 9 to 5 – Women and men in the workplace: Language, sex and power [Text] / D. Tannen. – New York: Avon Books, 1994.

25. Tromel-Plotz, S. Frauensprache: Sprache der Veränderung [Text] / S. Tromel-Plotz. – Frankfurt am Main, 1982.

26. Troemel-Plotz, S. Review essay: selling the apolitical [Text] / S. Tromel-Plotz // Discourse and Society. – 1991. – Vol. 2.

27. Wood, W. Sex differences in interaction style as a product of perceived sex differences in competence [Text] / W. Wood and S. J. Karten // Journal of Social and Personal Relationships. – 1986. – Vol. 50.